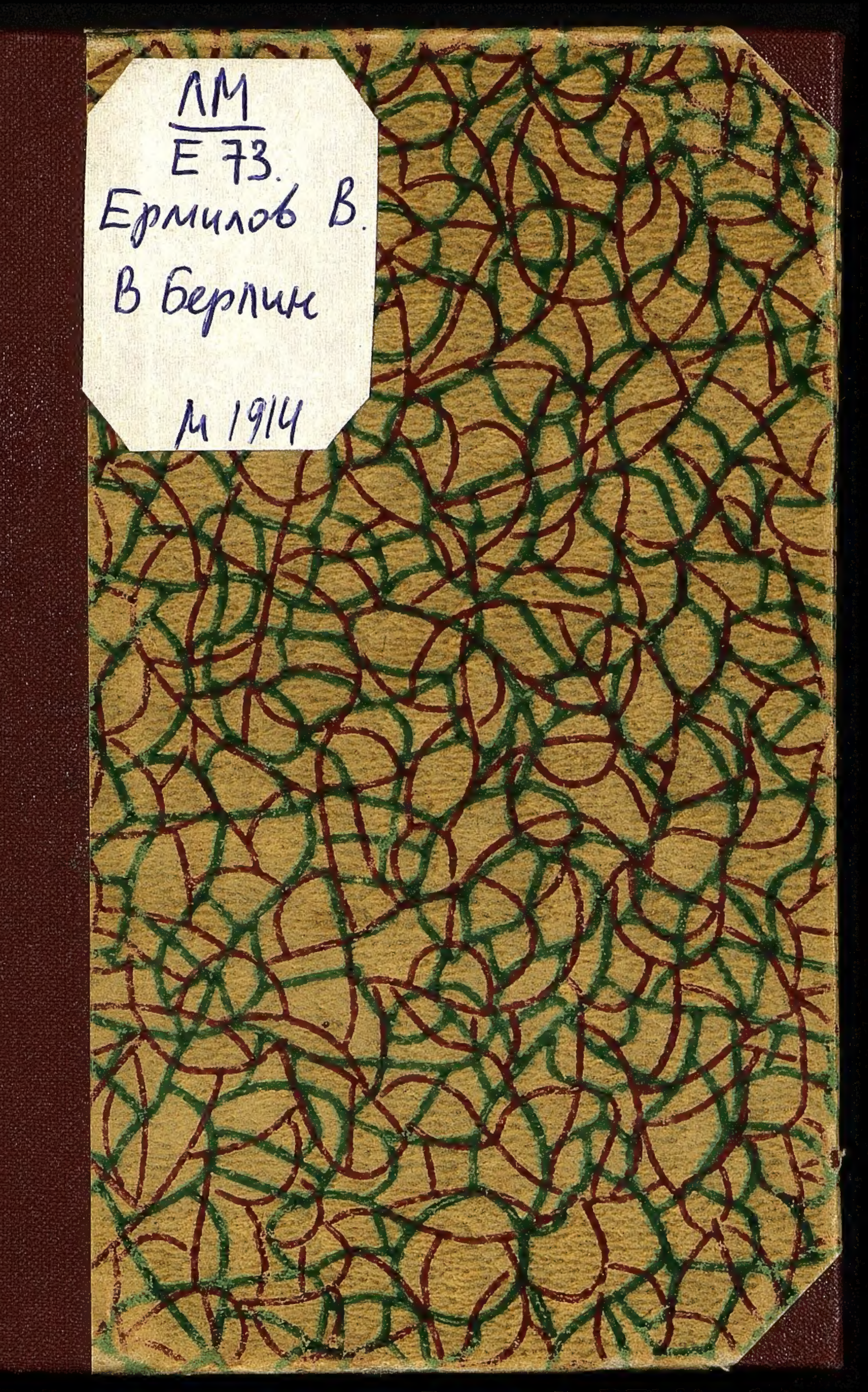
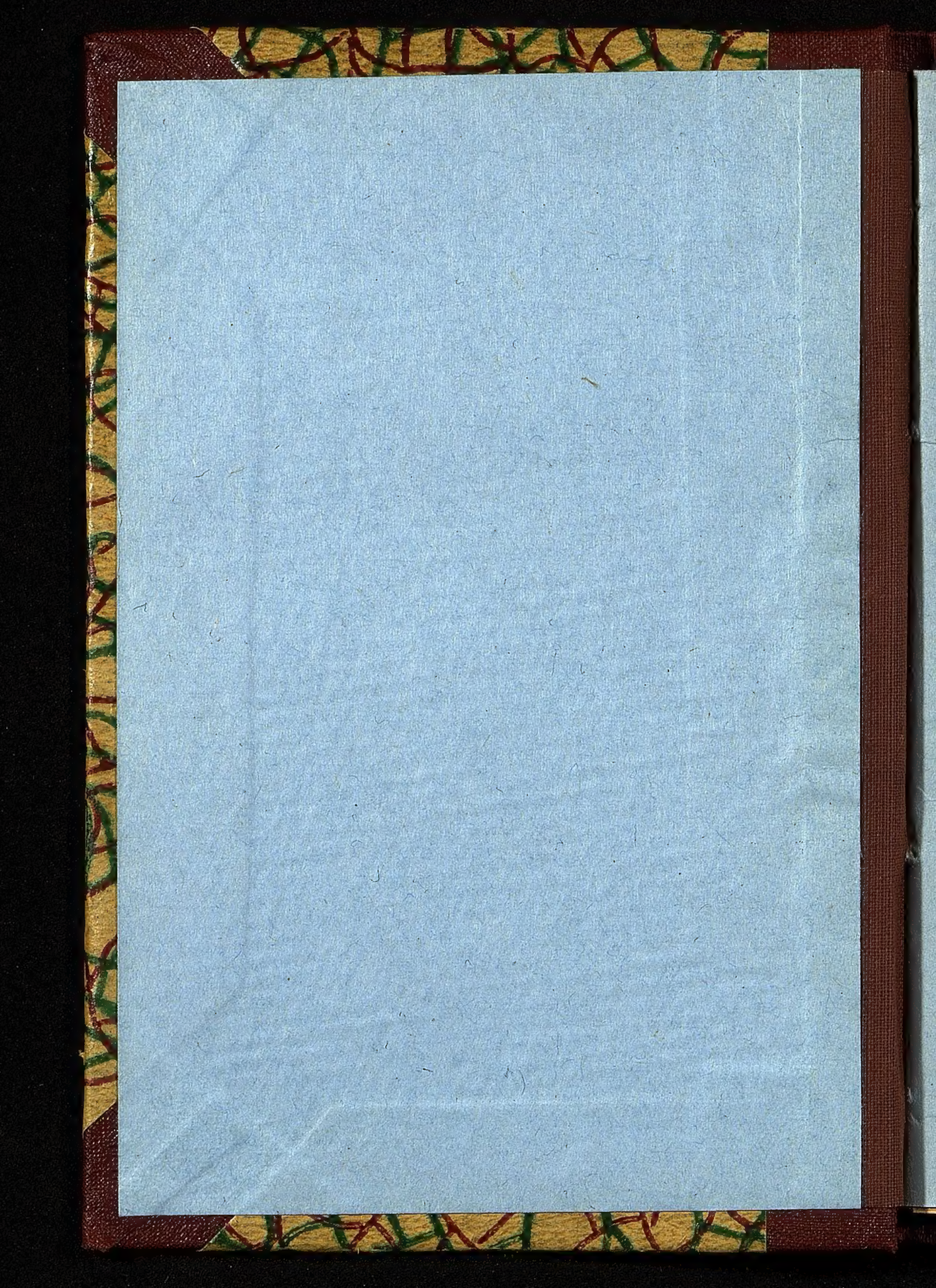
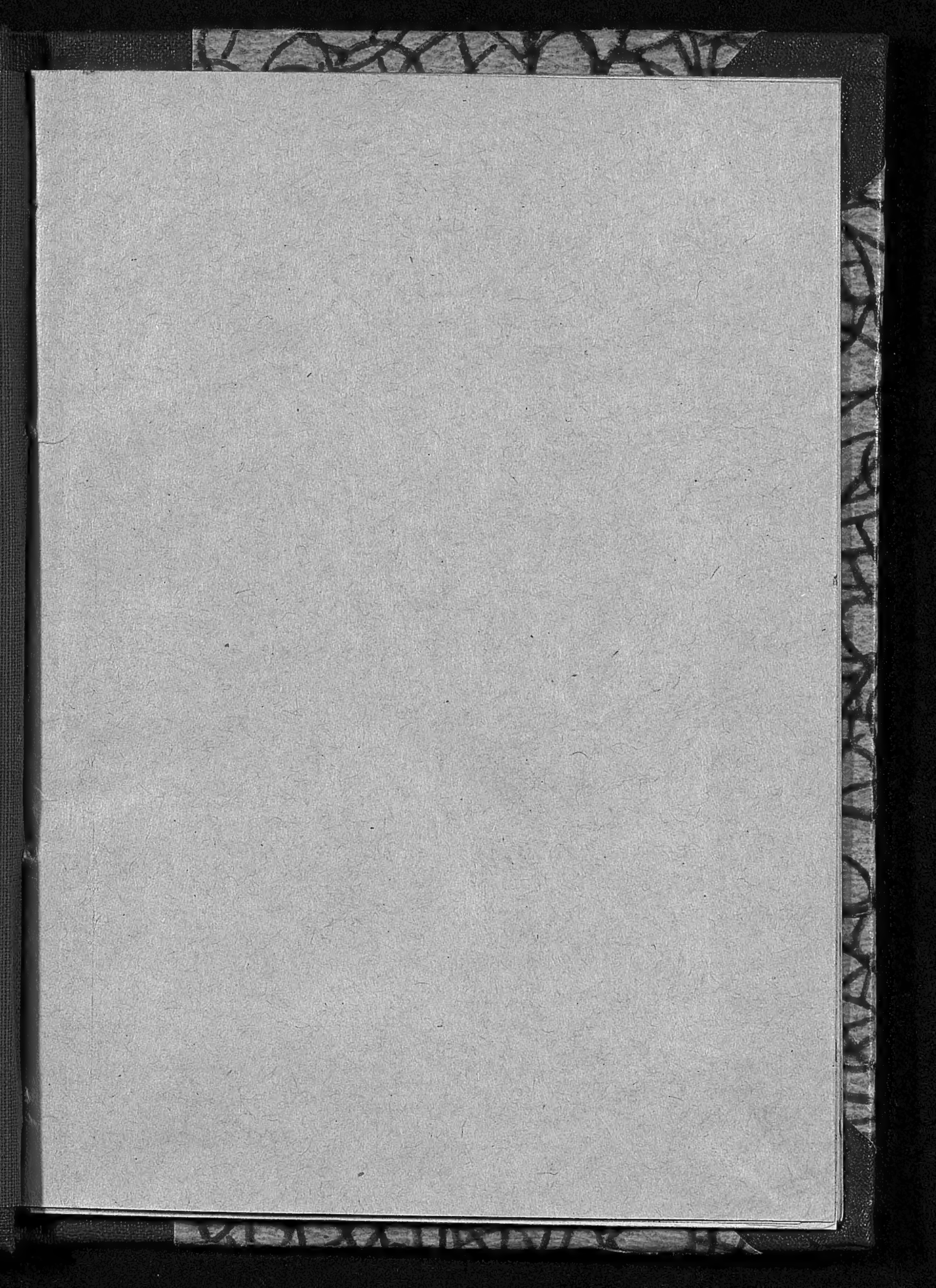
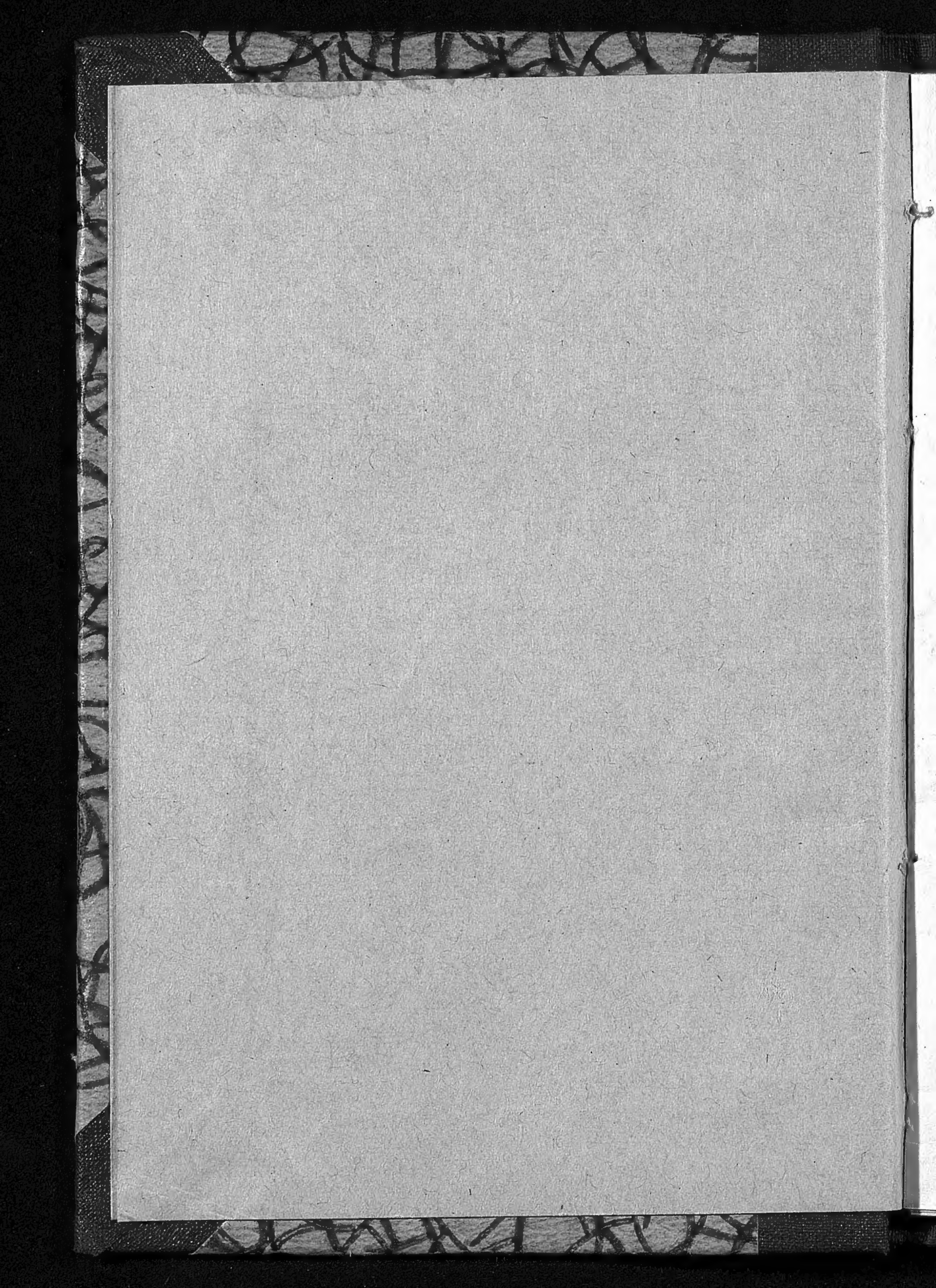

ЛМ
Е 73.
Ермилов В.
В Берлин
М 1914

Дар М. М. Сперанскаго
14 октября 1914

ВЪ БЕРЛИНЪ!

ЧТО ПРЕДСКАЗАЛЪ
М. Д. СКОБЕЛЕВЪ
О ВОЙНѢ СЪ НѢМЦАМИ.

Ермиловъ В

ВЪ БЕРЛИНЪ!

Что предсказалъ Скобелевъ о войнѣ
съ нѣмцами.

Типографія Т-ва И. Д. Сытина, Пятницкая улица, свой домъ.
МОСКВА. — 1914.

ВЪ БЕРЛИНЪ!

Предсказанія генерала Скобелева о войнѣ съ нѣмцами.

Кто предсказалъ войну съ нѣмцами? Кто благословилъ на нее насъ? Кто первый назвалъ ея священной? Кто угадалъ, что и поляки, и сербы, и французы будутъ лучшими нашими друзьями въ этой войнѣ?

Не кто иной, какъ непобѣдимый герой—Бѣлый витязь, Михаилъ Дмитріевичъ Скобелевъ. Онъ, онъ съ истинной мудростью генія—воина и пророка, все напередъ видѣлъ, что дѣлается сейчасъ и что дальше послѣдуетъ.

Онъ предсказалъ про войну и про то, что поляки забудутъ свой старый, домашній споръ съ нами и пойдутъ намъ на помощь, что сербы съ открытой душой будутъ братьями нашими въ этой войнѣ, что правда и честь будутъ съ нами, за насъ и помогутъ намъ.

Онъ говорилъ:

— Мы всегда видѣли ненависть, зависть, злобу со стороны нѣмцевъ. Будетъ съ нихъ!

Унижали довольно они насъ! Дольше силъ нѣтъ терпѣть! Они горды и наглы, смѣются надъ нами, хотятъ сдѣлаться владыками міра. Нѣтъ, этого мы не допустимъ! Мы еще повоюемъ, чортъ побери!

О, какъ краснѣлъ и блѣднѣлъ онъ и клятву давалъ себѣ мысленно, когда былъ въ Берлинѣ и слушалъ несносно-хвастливыя и обидныя рѣчи германскаго императора Вильгельма,— старца, что приходится дѣдушкой нынѣшнему Вильгельму, котораго народъ нашъ и весь міръ уже заклеймили именемъ: «Кровавый»!..

О, съ какимъ негодованіемъ, молча, кусалъ себѣ губы нашъ славный, нашъ Бѣлый генералъ, когда онъ присутствовалъ на смотру одного германскаго корпуса, а престарѣлый Вильгельмъ шипѣлъ ему злыя, ехидныя слова, но дѣлалъ это такимъ хитрымъ тономъ, будто шутилъ, будто просто занималъ веселымъ разговоромъ хорошаго и почетнаго гостя.

Весело говорилъ Вильгельмъ о готовности нѣмцевъ къ войнѣ съ русскими, а Скобелевъ думалъ, посмѣиваясь себѣ въ бороду,—въ свою роскошную русую бороду:

«Ты шутишь, кайзеръ, ты улыбаешься, но погоди, не все коту масленица, будетъ когда-нибудь и великій постъ. И будетъ онъ

скоро! О, какъ скоро! Тогда поглядимъ, кто будетъ радоваться и хохотать и въ ладоши бить! Ты ли или мы? Не мы ли? Увидимъ!..»

А Вильгельмъ ему ласково этакъ, вкрадчиво:

— Генералъ! Я вѣдь прекрасно понимаю, что вы не попросту и не сами пріѣхали къ намъ сюда, въ Берлинъ. Васъ прислали, конечно! Конечно, не спроста это дѣлается. Вамъ поручили здѣсь все видѣть, высмотрѣть и выслушать и изучить меня всего до мозга костей, насквозь! Ну, что жъ, тѣмъ лучше. Вы разскажите тамъ у себя, каковъ у насъ порядокъ, какъ стройно все поставлено, какіе молодцы-усачи солдаты мои. Вы видѣли только одинъ корпусъ. И что жъ? Вы глазъ не можете оторвать отъ него, не правда ли, милѣйшій мой генералъ? Но это мало. Знайте и скажите тѣмъ всѣмъ у себя, что не одинъ только этотъ корпусъ, а у меня всѣ они, всѣ до единаго также храбры,—ну, и помните, что, въ случаѣ чего, коли понадобиться—только прикажу,—и они выполнятъ свой долгъ, да еще какъ! Небу будетъ жарко отъ ихъ силищи!

А Скобелевъ улыбается, а самъ думаетъ свою думу, русскую думу—веселую пословицу: «Не хвались, идучи на рать»!..

Отошелъ императоръ,—подходитъ къ Бѣлому генералу новый хвастунъ—принцъ Фридрихъ-Карлъ, хлопаетъ гостя по плечу: я, молъ, простой нѣмецкій солдатъ, скажу-ка тебѣ всю правду-матку, отрѣжу ее тебѣ, по-солдатски, прямо и откровенно:

— А знаете, мой дружище, въ концѣ-то концовъ, Австрія возьметъ себѣ лакомый кусъ,—слопаетъ Салоники!..

А за этимъ Фридрихомъ-Карломъ пошли и другіе принцы и прочіе Фридрихи и Карлы и все хвастались передъ молодымъ, но уже давно полнымъ русскимъ генераломъ.

Скобелевъ, улыбался, улыбался, но, наконецъ, ему тошно стало отъ этихъ бахвальствъ. Онъ сильно разсердился и чуть было не выпалилъ всѣмъ этимъ самоувѣреннымъ солдафонамъ рѣзкую отповѣдь.

Надо было видѣть его гнѣвное лицо, съ глазами, испускавшими молніи негодованія, когда онъ передавалъ друзьямъ объ этомъ свиданіи съ старымъ германскимъ императоромъ. Это свиданіе такъ запечатлѣлось въ его памяти, что онъ запомнилъ всѣ подробности обстановки, при которой происходила описанная мною короткая, но выразительная и по содержательности своей значительная

Вильгельмъ II, прозванный кровавымъ.
Виновникъ современной великой войны.

бесѣда съ нимъ Вильгельма, его принцевъ и свиты.

Разсказывая объ этомъ памятномъ моментѣ, моментъ прилива грубой германской откровенности и крайней развязности, Скобелевъ съ тонкими подробностями описалъ всю обстановку разговора на смотру. Это потому, что онъ слишкомъ былъ возбужденъ, слишкомъ оскорбленъ за себя, какъ русскаго человѣка, за всю Россію.

При этомъ онъ отъ волненія все перебѣгалъ съ мѣста на мѣсто. Знаменитый художникъ, В. В. Верещагинъ, большой другъ Скобелева, вспоминаетъ, что Скобелевъ даже въ лицахъ изобразилъ ему все это.

Скобелевъ, по выраженію Верещагина, бродилъ, какъ тигръ, изъ угла въ уголъ и только по временамъ останавливался, чтобы показать:

— Вотъ тутъ, вообрази себѣ, сидѣлъ на конѣ, вотъ такъ, въ такой, въ совершенно такой позѣ самъ его германское величество, кайзеръ Вильгельмъ, а тутъ кругомъ его стояли нѣмецкіе офицеры, а тутъ и принцъ Фридрихъ-Карлъ...

Вильгельма Скобелевъ называлъ Василіемъ Ѳедоровичемъ.

— Василій Ѳедоровичъ сидѣлъ на своемъ конѣ, понимаешь ты, подбоченившись. Свита

стояла по обѣимъ сторонамъ отъ него, какъ сейчасъ помню, этакъ, знаешь ли, тупымъ угломъ... Громадная бозконечная свита. Все офицеры нѣмецкіе всякихъ чиновъ. И видимо-невидимо военныхъ агентовъ отъ всѣхъ государствъ. И ты подумай, подумай только, онъ мнѣ этакую штуку выпалилъ: передайте же, не забудьте, его величеству, вашему государю, что у меня, молъ, не одинъ, не два, а всѣ 15 корпусовъ сумѣютъ, по первому зову, исполнить, какъ слѣдуетъ, свой долгъ.

Въ этомъ же родѣ передаютъ разсказъ Скобелева и другіе, которымъ Бѣлый генералъ вспоминалъ объ этомъ случаѣ.

Скобелевъ сейчасъ же послѣ свиданія съ Вильгельмомъ поторопился занести эти слова въ свою записную книжку, откуда и читалъ ихъ Верещагину.

Мы видимъ отсюда, что войну съ нами нѣмцы затѣяли давно. Давно стали мечтать стереть насъ съ лица земли.

А лихой кавалеристъ, принцъ Фридрихъ-Карлъ, какъ человѣкъ простой, какъ бы по-пріятельски, совсѣмъ проговорился о томъ, о чемъ дипломаты, какъ люди хитрые, старались скрывать и умалчивать, о застарѣлой, крѣпкой ненависти нѣмцевъ къ славянамъ,

И Скобелевъ зналъ, что говорилъ, когда пророчески предсказывалъ въ бесѣдѣ съ друзьями!

— Знаете, господа, изъ-за чего начнется эта самая война нѣмцевъ съ русскими? Изъ-за австрійцевъ! Это не одинъ только принцъ Фридрихъ-Карлъ мнѣ говорилъ, а другіе тоже, и всегда непремѣнно,—хитрый народъ!—съ улыбочкой,—знаешь, съ нѣмецкой добродушной усмѣшечкой: «что тамъ, молъ, ни толкуйте, а Австрія, дескать, должна взять Салоники».

Вотъ тутъ, бывало, какъ только упомянетъ Скобелевъ объ Австріи, такъ начнетъ быстро и пылко говорить, бѣшено шагая по комнатѣ:

— А, такъ вотъ оно что, судари мои! Такъ это значитъ, они уже между собою, это уже у нихъ рѣшенное дѣло, что австрійцы возьмутъ себѣ, заграбастаютъ Салоники. Прелестно! Этакая волшебная картина: они будутъ дѣйствовать, а мы будемъ смотрѣть,— нѣтъ, врешь, мы этого не допустимъ!

Вообще, послѣ поѣздки своей въ Берлинъ, Скобелевъ только о томъ и думалъ, какъ бы подготовиться самому и подготовить свой народъ къ войнѣ съ нѣмцами, которую онъ теперь сталъ считать неминучей.

— И это будетъ,—предсказывалъ Скобелевъ,—не только война русскихъ съ австрій-

Австрійскій императоръ Францъ Іосифъ за картой Сербіи, предъ началомъ войны.

цами и нѣмцами, а вообще европейская война. Ее надо хитро будетъ вести. Все обдумать. Всѣ тонкости. И не забыть, между прочимъ, подготовить хорошаго солдата, и обращаться съ нимъ такъ, чтобы онъ веселъ былъ и бодръ. А для этого надо его хорошенько кормить и одѣвать хорошенько. И чтобы всюду у него—и на походѣ, въ бою, въ пустынномъ безлюдьѣ и въ только что занятомъ городѣ—непремѣнно у него была бы горячая пища, чтобы она подавалась во-время и обильно! Ѣшь до отвалу...

Скобелевъ, по словамъ В. И. Немировича-Данченко, утверждалъ, что съ нашими солдатами все можно сдѣлать, нужно только умѣть.

Когда его спросили разъ, почему ему удавалось въ походахъ дѣлать такіе опасные и трудные переходы, какіе другимъ и во снѣ не видѣлись, онъ отвѣчалъ обыкновенно:

— Видите ли, душенька (любимое слово Скобелева), нужно, чтобы генерала горячо любили солдаты, чтобы они уважали его и высоко ставили. А тогда—и говорить нечего, тогда мы сдѣлаемъ все... Что тамъ: чудеса сдѣлаемъ! Понимаете! чудеса!.. Развѣ не чудо, напримѣръ, сравнять пѣхоту съ кавалеріей? Никуда у меня непріятельская кавалерія не могла уйти: обязательно мои полки нагонятъ

Австрійскій наслѣдникъ Францъ - Фердинандъ, другъ императора Вельгельма, горячій сторонникъ войны съ Россіей. Убитъ 14 іюня 1914 г.

ее. А разные опасные и рискованные переходы, которые мнѣ приходилось дѣлать съ своими солдатиками, это для меня сослужитъ хорошую службу. И пригодится для важнаго дѣла. Для такого, какого міръ давно не видалъ, а можетъ, и не видалъ никогда.

— Для какого, Михаилъ Дмитріевичъ?

— Для будущей большой европейской войны. Она непремѣнно и довольно скоро будетъ.

И онъ думалъ о планѣ похода на Германію и наступленія на Берлинъ. Обдумывалъ, какъ это половчѣе устроить, чтобы войска наши появлялись словно по щучьему велѣнью, тутъ какъ тутъ, въ такихъ мѣстахъ, гдѣ никому въ голову не приходило встрѣтиться съ ними лицомъ къ лицу.

— Когда мы схватимся съ нѣмцами,—мечталъ онъ,—я всегда постараюсь противъ одной ихъ дивизіи поставить своихъ двѣ. А для этого нужно пріучить солдата къ неутомимости... Чтобы онъ не боялся ни дурной погоды ни долгихъ и трудныхъ путей... Въ этомъ безусловный залогъ успѣха.

Съ ранняго своего дѣтства Скобелевъ терпѣть не могъ нѣмцевъ. Да и было за что: много они ему насолили. Начать съ того, что первый его воспитатель былъ нѣмецъ. Онъ отравилъ жизнь ребенку-Скобелеву.

— Нѣмецъ этотъ былъ несправедливый, грубый, подлый. Положительно, подлый. Я ненавидѣлъ его, какъ только можно ненавидѣть... Съ тѣхъ поръ уже нѣмцы были мнѣ не по-душѣ.

А потомъ этотъ самый нѣмецъ грубо обидѣлъ юнаго Скобелева. А этотъ мальчикъ былъ самолюбивый, не любилъ сносить обиды. Злой нѣмецъ позволилъ себѣ ударить Скобелева. И притомъ въ присутствіи чужихъ людей. Ударилъ такъ себѣ, зря.

— Я не помню, что я сдѣлалъ,—вспоминалъ Скобелевъ въ разговорѣ съ Верещагинымъ.— Я вцѣпился въ него и закостенѣлъ. А знаете ли, чему училъ меня этотъ прохвостъ? Тому, что Германія для Россіи—все. Что все въ Россіи сдѣлали нѣмцы. Что въ будущемъ Россія или должна служить Германіи, или погибнуть. Не было цѣлаго міра—была одна Германія... И ненавидѣлъ же я ее; отъ души ненавидѣлъ!

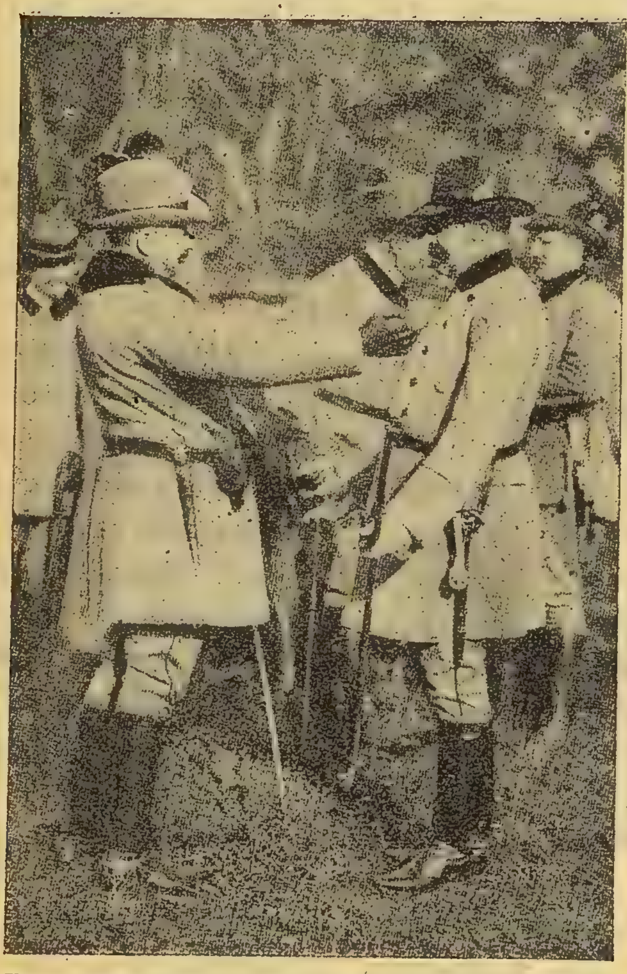
А зачѣмъ,—спроситъ кто-нибудь,—зачѣмъ Скобелеву дали нѣмца въ гувернеры? А какъ же, помилуйте, у нѣмцевъ, сказываютъ, образцовая дисциплина, строгая власть, умѣнье заставить, чтобы тебѣ безпрекословно,—больше, чѣмъ безпрекословно, чтобы слѣпо тебѣ подчинялись.

— Порядокъ, порядокъ, субординація—прежде всего!—говорятъ нѣмецкіе хранители старыхъ устоевъ.—Надо осаживать всякое капризное и своевольное желаніе человѣка, надо разсуждать по-своему и жить вольно, своимъ умомъ. Нѣтъ, шутишь, исполняй приказанія—и не смѣть разсуждать, не смѣть свое сужденіе имѣть!

Это—нѣмецкая мысль, нѣмецкій духъ. Этимъ духомъ германецъ тлетворно заражалъ многія другія народности, и такъ называемое солдафонство — нѣмецкое изобрѣтеніе. Когда нѣмецъ будетъ побѣжденъ, вездѣ будетъ дышаться легче, вольнѣе.

— И вотъ вамъ доказательство. Какая великая разница: германецъ или французъ! Отецъ мой какъ прогналъ нѣмца, такъ сейчасъ же отдалъ мальчика въ Парижъ, къ французу Жерарде. Вотъ этотъ былъ настоящій человѣкъ! Добрый, разумный, спокойный,—ну, совершеннѣйшая же противоположность моему проклятому, злому нѣмцу.

— И я люблю своего милаго француза, люблю его до сихъ поръ—больше, чѣмъ родныхъ моихъ. Жирарде училъ меня не презирать, а, напротивъ, горячо и страстно любить свою родину. Онъ даже такъ мнѣ внушалъ: выше отечества нѣтъ ничего на свѣтѣ. И если

Два заговорщика на европейскій миръ: Вильгельмъ II и убитый австрійскій наслѣдникъ престола Францъ - Фердинандъ.

отечество унижено, оскорблено, бѣдствуетъ— все равно люби его! И тѣмъ болѣе жалѣй его, старайся о возстановленіи его чести.

Ясное дѣло: милый французъ намекалъ на засилье нѣмецкое, на то, какъ издѣвались нѣмцы надъ французами, когда побѣдили армію Наполеона третьяго.

— Съ гордостью носи имя родины,—училъ Жирарде.

— Да, могу сказать,—заключилъ Скобелевъ свое воспитаніе о добромъ наставникѣ,—я ожилъ и повеселѣлъ, когда, послѣ грубыхъ ругательствъ и побоевъ безсовѣстнаго нѣмца, я встрѣтилъ мягкость, внимательность, деликатность. Нѣмецъ мнѣ все, бывало, запрещалъ: и того нельзя и другого нельзя. И безъ всякаго объясненія причинъ; нельзя, да и баста! И не смѣй спрашивать, почему. Это у нихъ требуется пресловутой ихъ дисциплиной.

Однимъ словомъ, Скобелевъ, по его словамъ, только при этомъ благородномъ воспитателѣ увидѣлъ жизнь и свѣтъ и радость. И самъ сталъ похожимъ на настоящаго, что называется, культурнаго человѣка. И со злобой шлепнулъ его по физіономіи. Мальчикъ вспыхнулъ и моментально плюнулъ нѣмцу въ лицо, а затѣмъ далъ ему еще пощечину.

Генералъ фонъ-деръ-Гольцъ, главный дѣятель по воспитанію германской арміи.

Таковы были первыя дѣтскія сраженія Скобелева съ нѣмецкимъ варварствомъ, которое олицетворялъ собою на этотъ разъ воспитатель Михаила Дмитріевича. Таковы были первыя побужденія для развитія въ немъ какой-то органической непріязни къ высокомѣрному и грубому народу, желавшему все и всѣхъ покорить подъ свою желѣзную пяту. Непріязнь эта росла въ немъ съ году на годъ, со дня на день, по мѣрѣ болѣе и болѣе близкаго знакомства съ исконными врагами Россіи и славянъ. Скобелевъ былъ прямой человѣкъ и не скрывалъ своей нелюбви даже передъ людьми высокопоставленными. Когда была турецкая война, пріѣхалъ въ его отрядъ какой-то нѣмецкій принцъ и сталъ просить, чтобъ ему показали укрѣпленія. Скобелевъ согласился, но попросилъ своего приближеннаго офицера:

— Покажите ему, покажите, но только такъ, чтобъ у этихъ господъ больше не являлось охоты осматривать.

Офицеръ исполнилъ приказаніе съ полной добросовѣстностью и нагналъ на нѣмецкаго принца такого страху, что тотъ радъ былъ, что живой ушелъ.

И вотъ начинается воистину пророческая миссія нашего великаго полководца и гражда-

нина. Онъ предсказывалъ, что огромная общеевропейская война откроется по почину сербовъ, какъ оно и случилось теперь. Онъ предсказалъ, что истинное начало къ этой войнѣ будетъ дано тайными происками Берлина:

«Берлинъ всегда распоряжался судьбами Европы!—негодовалъ Скобелевъ.—И со времени основанія тройственнаго союза нѣмцы всегда стремятся и будутъ стремиться къ одной и той же цѣли—полному германскому господству надъ всей Европой до тѣхъ поръ, пока мы,—да, именно мы, русскіе, въ союзѣ съ дружественными намъ народами не крикнемъ: «Довольно, руки прочь!»

Послѣ своего знаменитаго разговора въ Берлинѣ съ Вильгельмомъ и его принцами Скобелевъ окончательно укрѣпился въ томъ взглядѣ, что надо немедленно приняться всѣхъ въ Россіи убѣждать въ томъ, что пора начать приготовленія къ скорой неизбѣжной войнѣ съ нѣмецкимъ гнетомъ. Когда онъ вскорѣ послѣ этого видѣлся съ извѣстной французской писательницей и дѣятельницей, г-жой Аданъ, то онъ сказалъ ей:

— Я не люблю войны. Я слишкомъ часто участвовалъ въ ней, но есть одна война, которую я считаю священной. Тотъ, кто хочетъ

сожрать славянъ, долженъ быть самъ изничтоженъ. А это—нѣмецъ. Онъ—нашъ главный врагъ. Кто-нибудь одинъ долженъ быть на свѣтѣ. Двоимъ вмѣстѣ быть нельзя. Или мы, или они: или славянство, или нѣмецкая казарма,—казарма на весь міръ.

Такъ ставилъ вопросъ Скобелевъ. Таковъ былъ его военный, его политическій, гражданскій символъ вѣры.

Г-жа Аданъ была очарована этими рѣчами, этимъ пылкимъ увлеченіемъ Скобелева своей святой мыслію: вступиться за поруганную честь славянства.

— Вы, только одинъ вы съ вашей убѣжденностью, съ вашимъ знаніемъ дѣла и пламеннымъ краснорѣчіемъ можете зажечь всѣ сердца, заставить ихъ почувствовать необходимость этой войны. Вы не только геніальный полководецъ, вы и искусный мастеръ увлекать людей высокими мыслями и планами. Идите и проповѣдуйте священную войну. Убѣждайте въ этомъ не только своихъ, русскихъ, но и насъ, французовъ. Поѣзжайте къ намъ во Францію и скажите тамъ, въ Парижѣ, всенародно:

— Нѣмецъ — вотъ нашъ врагъ, — и вотъ вашъ врагъ!

Вильгельмъ II принимаетъ рапортъ въ Килѣ
отъ командующаго адмирала.

И Скобелевъ сказалъ свое грозное слово,— слово призыва въ борьбѣ съ нѣмцами. Онъ произнесъ страстную рѣчь въ Петроградѣ. А потомъ поѣхалъ въ Парижъ. Тамъ тоже воспламенилъ всѣ сердца, разгорячилъ всѣ умы.

Обѣ рѣчи эти возмутили нѣмцевъ, взбудоражили ихъ души, породили Скобелеву несчетную толпу кровныхъ враговъ,—враговъ не на животъ, а на смерть. Берлинцы слышать имени Скобелева не могли съ тѣхъ поръ. А Скобелевъ говорилъ по этому поводу:

— Что же мнѣ было дѣлать? Сами виноваты. Они вынудили меня сказать эти рѣчи.

Германцы разсуждали:

— Онъ опасенъ. Онъ зоветъ всѣхъ славянъ, всю эту безмѣрную громаду нашихъ враговъ къ открытому бунту противъ нашего могущества, онъ поощряетъ мечты о всеславянскомъ объединеніи,—а эти мечты подкапываютъ Австрію. Онъ подстрекаетъ французовъ мстить намъ.

Одинъ наблюдательный англичанинъ, какъ разъ въ это время посѣтилъ Петроградъ, потомъ побывалъ проѣздомъ въ Берлинѣ и писалъ:

Начальникъ германскаго главнаго штаба
ф.-Мольтке.

— По всему пути въ разговорахъ только и слышалось, что имя Скобелева. Въ Берлинѣ имя его повторялось въ рѣчахъ и бесѣдахъ всѣхъ классовъ общества. Я остановился передъ окномъ магазина, въ которомъ висѣла карта Россіи. Къ окну подбѣжала толпа школьниковъ.

— Вотъ дорога, по которой мы доберемся до Петрограда и проучимъ Скобелева,—говорилъ одинъ.

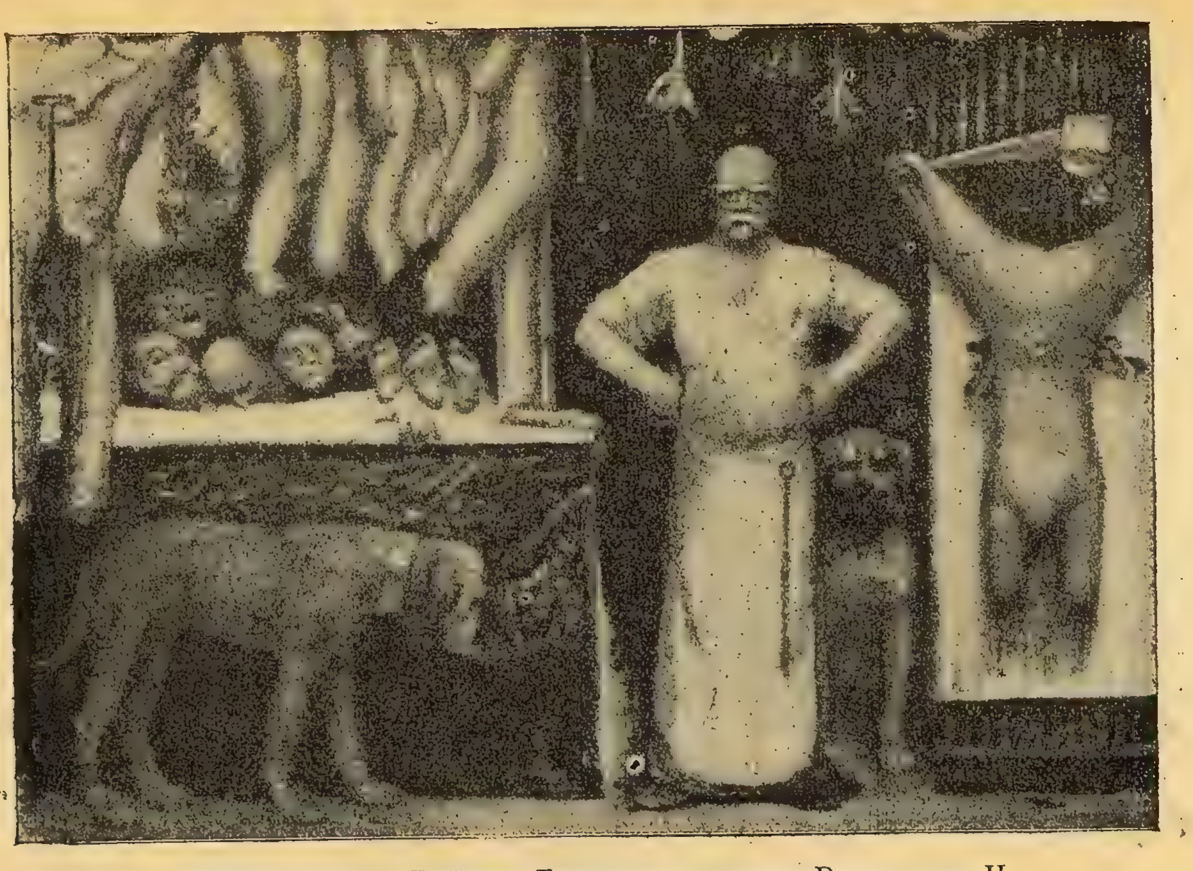
— А если они придутъ въ Берлинъ?

— О, это невозможно!

Мальчишекъ смѣнила группа пожилыхъ людей, которые въ краткихъ восклицаніяхъ выражали свою ненависть къ славянамъ и къ Скобелеву. На гауптвахтѣ, находящейся на аристократической оконечности улицы «Подъ Липами», солдаты вели воинственный разговоръ о Россіи.

Въ новой священной войнѣ,—войнѣ самыхъ просвѣщенныхъ народовъ міра, возмутившихся нѣмецкимъ засильемъ, наши войска пошли подъ много обѣщающимъ, благопріятнымъ знакомъ, подъ боевымъ значкомъ Скобелева,—подъ символомъ побѣды.

И именно той побѣды, о которой исключительно онъ мечталъ въ послѣдніе годы своей жизни.

„Мясникъ“ (рис. Вебера). Бисмаркъ—учитель Вильгельма II.

И даже въ послѣдніе дни до самаго момента своей смерти.

Эта лелѣемая имъ идея—идея побѣды надъ нѣмцами. Замѣтьте: онъ первый ее намъ предсказалъ. Не забудемъ этого:

— Мы побѣдимъ, это навѣрно, и мы возьмемъ Берлинъ, — говорилъ онъ часто. — Это была любимая его мысль,—пылкая, страстная мечта его и завѣтная надежда.

Не надѣялся онъ только на одно: на себя, на продолжительность своей жизни.

— Скоро, скоро война будетъ съ нѣмцами,— печально размышлялъ онъ,—а меня-то, меня-то, горе мое,—не будетъ тогда на свѣтѣ!..

Ахъ, какъ несносно, досадно, въ самомъ дѣлѣ, что онъ умеръ такъ необычно рано, такимъ молодымъ генераломъ!

— Не придется этому значку развѣваться въ предстоящей борьбѣ славянъ съ нѣмцами, борьбѣ, о которой я непрерывно помышлялъ, которую мысленно благословлялъ, ждалъ съ нетерпѣніемъ,—говорилъ со слезами на глазахъ Скобелевъ.

Другъ его, молодой тогда офицеръ Дукмасовъ, съ ужасомъ возразилъ на печальное и пророческое предчувствіе «Бѣлаго» генерала:

— Что за дурная у васъ мысль!.. Я, напротивъ, твердо вѣрю, что въ войнѣ съ

нѣмцами васъ назначатъ главнокомандующимъ...

— А война наша съ нѣмцами будетъ страшная, — предсказывалъ Скобелевъ, — но страшиться намъ нечего: мы побѣдимъ!..

Побѣждаетъ тотъ, кто защищаетъ правое дѣло. А мы выиграемъ въ борьбѣ, потому что не мы начали распрю, мы только будемъ обороняться. Вѣдь воевать только тогда надо, только тогда и простительна война, когда я защищаю, когда я обороняю своихъ или себя.

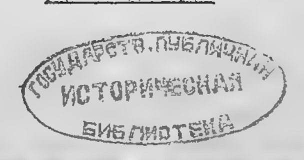
А война корыстная, война ради захватовъ, ради интересовъ честолюбиваго государя и его фамиліи—это, говорилъ онъ:

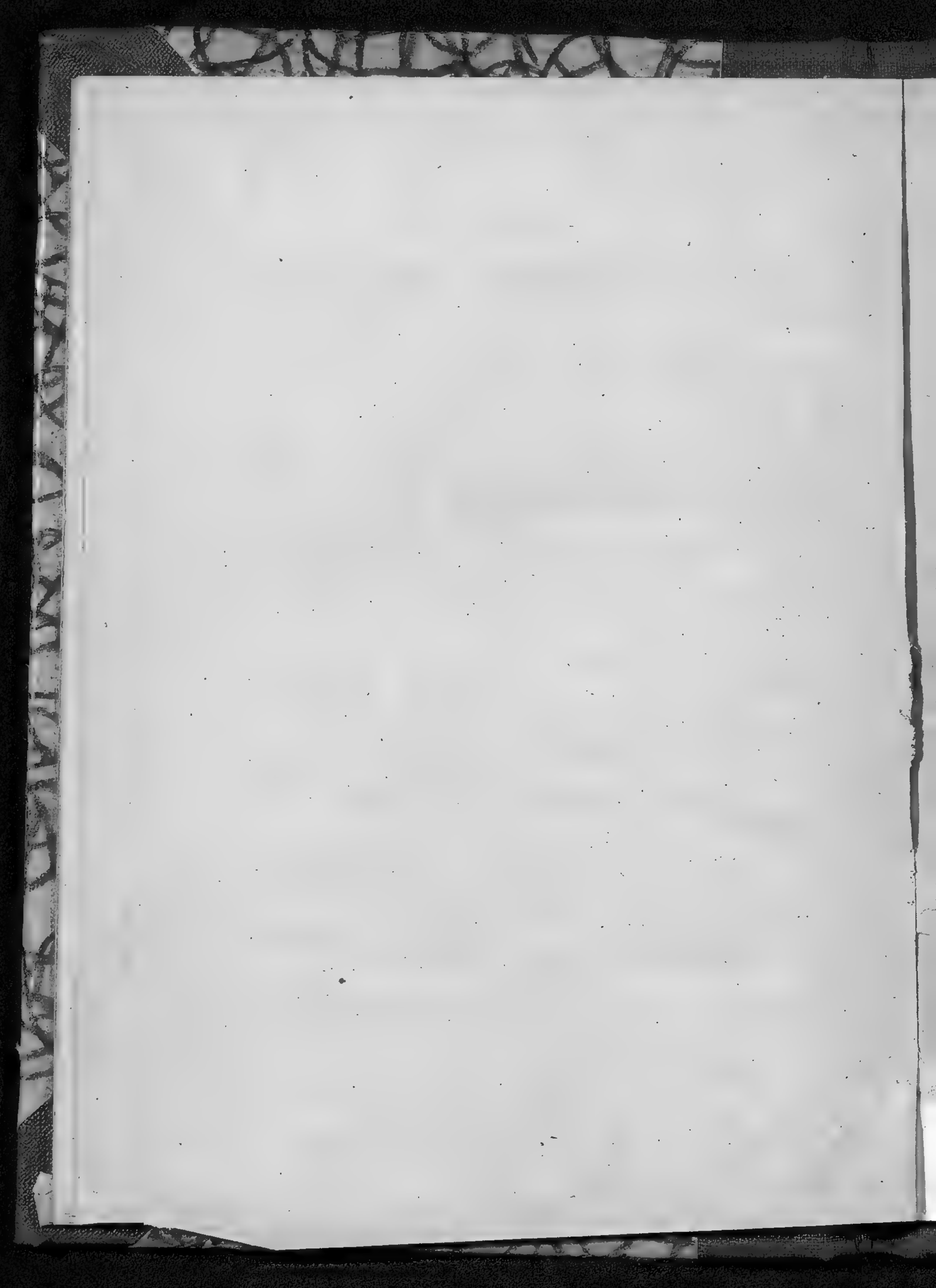
— Подлость, позоръ!.. Черными пятнами на короляхъ и императорахъ лежатъ такія войны.

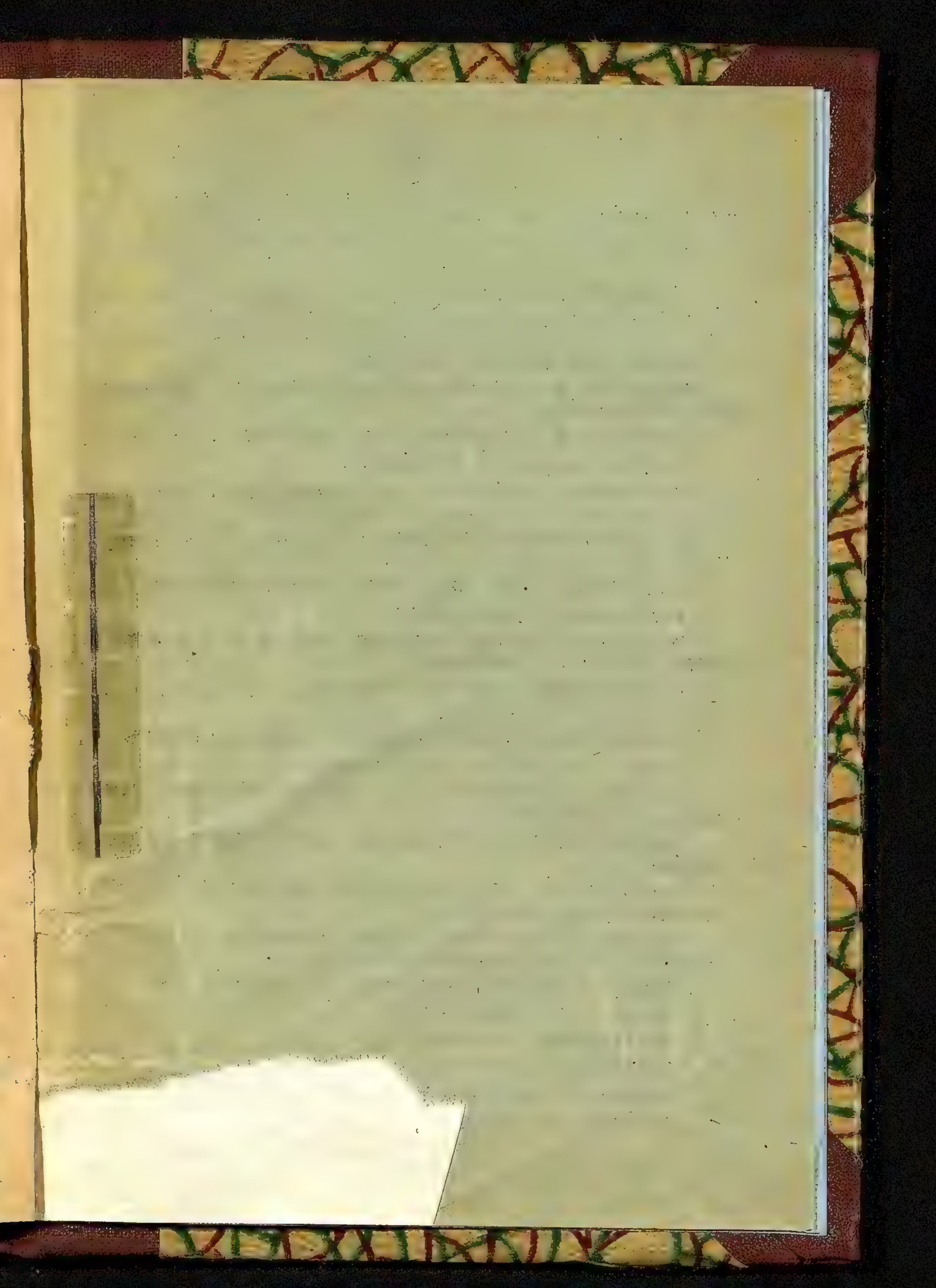
И вотъ наказаніе, ждущее германскій народъ:

— Мы пойдемъ, въ концѣ-концовъ, въ Берлинъ, и тамъ будемъ!.. Да! Будемъ!..

Владимиръ Ермиловъ.

Книгоиздательство Т-ва И. Д. СЫТИНА.

„ОРАНЖЕВАЯ КНИГА“. За что воюетъ Россія? Сборникъ дипломатическихъ документовъ. Переговоры отъ 10—24 іюля 1914 г., предшествовавшіе войнѣ. Ц. **20** к.

КАКЪ НАЧАЛАСЬ ВОЙНА.

ПОЛЬША И ЗАРУБЕЖНАЯ РУСЬ ВЪ БОРЬБѢ СЪ НѢМЦАМИ. Сост. А. С.

НѢМЕЦКІЙ НАТИСКЪ НА РОССІЮ. Сост. А. С.

ЗА ЧТО ВОЮЕТЪ РОССІЯ.

ИСТОРИЧЕСКІЙ ДЕНЬ—26 іюля 1914 г. Впечатлѣнія участника и очевидца.

БЕЗПОКОЙНАЯ ИМПЕРІЯ. Краткій очеркъ исторіи Германской имперіи.

КТО СИЛЬНѢЕ—МЫ ИЛИ НАШИ ВРАГИ?

НѢМЕЦКІЯ ЗВѢРСТВА.

МУЖЕСТВЕННАЯ БОРЬБА БЕЛЬГІИ СЪ ВѢРОЛОМСТВОМЪ ГЕРМАНІИ.

ГЕРОЙСКАЯ БОРЬБА СЕРБІИ. Уничтоженіе австрійской арміи у Церъ-Планины.

БРОНИРОВАННЫЙ КУЛАКЪ—ВИЛЬГЕЛЬМЪ II.

РОССІЯ БОРЕТСЯ ЗА ПРАВДУ.

БИТВА СЕРБОВЪ СЪ АВСТРІЙЦАМИ ПРИ ЦЕРЪ-ПЛАНИНѢ. Разсказы очевидцевъ о войнѣ.

ПОРАЖЕНІЕ НѢМЕЦКОЙ АРМІИ ПРИ ГУМБИНЕНѢ.

РАЗГРОМЪ АВСТРІЙСКОЙ АРМІИ И ВЗЯТІЕ ЛЬВОВА ВЪ ГАЛИЦІИ.

БѢЛЫЙ ГЕНЕРАЛЪ. Его геройскіе подвиги и завѣты для офицеровъ и солдатъ.

РАЗСКАЗЫ ОЧЕВИДЦЕВЪ О ВОЙНѢ. Кн. 1-я.

ЛОСКУТНАЯ ИМПЕРІЯ.

НѢМЕЦКІЕ НАБѢГИ.

ХРАБРАЯ БЕЛЬГІЯ.

МОРСКІЯ ПОТЕРИ НѢМЦЕВЪ.

ВОЙНА ВЪ ВОЗДУХѢ.

